

Материалы рубрики «Педагогическая академия» опубликованы в таких выпусках «НО»: 1998, № 4, 6, 7; 1999, № 1–2, 9, 10; 2000, № 3, 8; 2001 № 1, 2.

Рубрику ведёт доктор педагогических наук, профессор Валентин Кумарин.

Проблемы воспитания в советской школе

Антон МАКАРЕНКО

...Без всякого преувеличения можно сказать, что вопросы воспитания всплывают обычно на поверхность только при каких-нибудь досадных происшествиях, когда на «помощь» привлекается Уголовный кодекс. Если же происшествий нет — школьник не сорвался с подножки трамвая под колёса, стрелок из рогатки не вышиб глаз товарищу, — о проблемах воспитания не вспоминают. **Ни один раздел школьной педагогики так слабо не разработан, как методика нормальной воспитательной работы.** Теоретики видят в воспитательных мероприятиях лишь подсобное вспомогательное средство к повышению успеваемости — и только...

Неопределённость воспитательного процесса в школе, расплывённость педагогических сил, боязнь смелого почина снижают эффективность труда даже талантливых учителей. Тем хуже дела у тех классных руководителей, — а их у нас сотни тысяч, — которые, не обладая выдающимся педагогическим мастерством, работая в одиночку, не находят нужной линии, не овладевают своими воспитанниками. А неповоротливые молчаливики-теоретики, с постной миной «изживающие» педологические ошибки, покаянно выгребающие псевдонаучный мусор из педагогической литературы, до сих пор не оплодотворили школьную практику положительными мыслями... Учителям до сих пор не помогли понять, что нормальная работа школы немыслима без сплочённого педагогического коллектива, придерживающегося единой методики и коллективно отвечающего не только за «свой» класс, а за всю школу в целом.

Наша школьная сеть, которой вправе гордиться страна, представляет собой в педагогическом секторе расплывённую массу одиночек-учителей и в ученическом — массу разрозненных классов, лишь механически связанных соседством в общем школьном здании. **Школы как единого коллектива, как целостного учреждения не знают у нас ни педагоги, ни дети, ни семья, ни советская общественность.** И именно в этом таится корень многих бед.

Если, например, ребёнок учится в московской школе № 575, то этот астрономический номер без индивидуального названия не рождает в нём никаких эмоций. Учащийся теряется в огромной толпе сверстников (ведь вместе с ним в школе часто учится до двух тысяч детей). Ученик знает только свой класс. Между классным коллективом и обществом нет связующего звена — более широкого коллектива, нет самой школы как единого педагогического организма.

Педагогическая теория, размениваясь на мелочи, не удосужилась заняться этим кардинальным вопросом. Между тем совершенно очевидно, что каждый ученик должен жить не только интересами своего маленького классного кружка, а должен воодушевляться общими школьными целями, переживать общие школьные радости.

Как правило, коллектив учащихся школы не должен превышать тысячи. Школы-гиганты следовало бы разукрупнить, чтобы каждая имела своё лицо, чтобы дети были знакомы друг с другом, чтобы учителя узнавали в коридоре тех, кого они воспитывают, чтобы весь школьный коллектив дружески общался на школьных праздниках, на литературно-художественных вечерах, в кружках, чтобы крепились дружба и уважение друг к другу в совместной творческой работе всего коллектива. **Только создав единый школьный коллектив, можно разбудить в детском сознании могущественную силу общественного мнения как регулирующего и дисциплинирующего воспитательного фактора.**

Беспомощен тот педагог, который потворствует недостаткам ученика, слепо следует его

капризу, подыгрывает и сюсюкает, вместо того чтобы воспитывать и переделывать его характер. Надо уметь предъявлять бескомпромиссные требования к личности ребёнка, имеющего определённые обязанности перед обществом и отвечающего за свои поступки. Индивидуальный подход к ребёнку в том и заключается, чтобы применительно к его индивидуальным особенностям сделать его преданным и достойным членом своего коллектива, гражданином страны.

Вздыхая по хорошей дисциплине, у нас **боятся процесса дисциплинирования**. По сути дела, мы недалеко ушли от веры в пресловутую самодисциплину. Школа должна с первого же дня предъявлять к ученику твёрдые, непререкаемые требования общества, вооружать ребёнка нормами поведения, чтобы он знал, что можно и чего нельзя, что похвально и что наказуемо.

Контроль общественного мнения большого авторитетного и любимого школьного коллектива закаляет характер ученика, воспитывает волю, прививает общественно полезные навыки личного поведения, гордость за школу и за себя как члена этого славного содружества. И тогда ребёнок ведёт себя не в зависимости от внешней обстановки, — в обществе хороших ребят он хорош, а среди драчунов и сам хулиган, — он знает, как себя вести: за что его одобрит уважаемый им коллектив и за что осудит. Так рождаются в ребёнке твёрдость, негибкость закалённого характера, так воспитываются чувство гражданской чести, долга, сознание обязанности по отношению к другим людям.

Сила общественного мнения в детском коллективе — совершенно материальный, реально осязаемый фактор воспитания. Когда я руководил коммуной НКВД, то не побоялся, например, послать пятьдесят воспитанников — бывших воришек и беспризорников — на праздник открытия Краматорского завода. Я знал, что они не уронят достоинства коммуны, оказавшей им доверие и честь. Наши коммунары приняли за правило в трамвае не садиться, потому что всегда найдётся в вагоне человек, которому следует уступить место. И каждый коммунары просто провалился бы от стыда сквозь землю, если бы его уличили в том, что он нарушил этот пункт этической заповеди коммуны — вежливость к старшим, помощь слабым.

Только отсутствием в школе организованного общественного мнения можно объяснить беспомощность воспитателей, позорящих себя подобными, например, характеристиками непослушных питомцев: «Мешает, сорит, бьёт стёкла, выражается, мажет краской лица товарищам, своим хулиганским поведением разлагает не только учащихся, но и учащихся...»

Такие аттестации звучат клеветнически. Школьник, изображённый драматическим злодеем, разлагает даже учителей.

А теоретическая педагогика не осмеливается разработать проблему взаимодействия в школьном обиходе воспитательных мер и репрессий, имеющих при должном применении не менее воспитательное значение.

Странная вещь: педагоги боятся даже самого слова «наказание». У нас в школе не знают даже выговора. Маниловы от педагогики мечтают о таком идеальном положении: вот хорошо бы было, если бы дисциплину поднять и никаких мер воздействия для этого не требовалось!

Подобный ложный гуманизм считается до сих пор у теоретиков хорошим тоном. А школе это беспринципное сюсюканье наносит большой вред. Страх педагогов перед наказанием истекает из боязни возродить нравы старой школы. Но кто сказал, что разумно применяемое разумное наказание грозит нам ужасами царской школы? Ведь у нас нет социальной пропасти, антагонизма между учителями и учениками, между школьниками и школьным начальством. Если в старой школе наказание превращалось в насилие и не разрешало конфликта, а только усиливало его, загоняя язвы внутрь, то у нас система наказаний, по характеру своему отличная от жестокого и унижительного оскорбления человеческого достоинства школьника, несомненно, сыграет положительную воспитательную роль.

Разумная система взысканий не только законна, но и необходима. Она помогает оформиться крепкому человеческому характеру, воспитывает чувство ответственности, тренирует волю, человеческое достоинство, умение сопротивляться соблазнам и преодолевать их.

Активизация общественных начал школьного коллектива и сочетание воспитательных мер и системы взысканий требуют обязательного усиления воспитательного центра в школе. **Таким центром может быть только директор**, как самое ответственное в школе лицо, как уполномоченный государством руководитель. Наши директора непомерно много уделяют внимания хозяйству, а между тем директор должен прежде всего быть **единоличным и абсолютно правомочным воспитателем школы**. Все остальные школьные работники должны действовать под его непосредственным руководством и по его прямым указаниям.

Но педагогическое мастерство директора школы не может заключаться в простом администрировании. Мастерство в том именно и состоит, чтобы, сохраняя строгое соподчинение, ответственность, дать широкий простор общественным силам школы, общественному мнению, педагогическому коллективу, школьной печати, инициативе отдельных лиц и развёрнутой системе школьного самоуправления.

Имеющиеся сейчас — и то лишь в старших классах — старостаты не могут обеспечить действенного участия школьников в организации школьного быта. Между тем самоуправление может сделаться самым эффективным воспитательным средством. При наличии школьного общественного мнения, общешкольной дисциплины, поддерживаемой общешкольными органами самоуправления, воспитательная работа педагогов существенно облегчается.

Руководство органами школьного самоуправления должно составить главную заботу директора. Нужно отбросить старую педагогическую хмурость, излишнюю «взрослую» серьёзность. Для изобретательного воспитателя здесь большое и благодарное поприще.

Воспитание характера в школе

Статья «Проблемы воспитания в советской школе», напечатанная «Правдой» в порядке обсуждения, вызвала множество откликов. Письма и статьи продолжают ещё поступать. Пишут главным образом родители и учителя, директора школ. Только профессора педагогики, те люди, которые в первую очередь должны интересоваться вопросами воспитания, не прислали ни одного отзыва. Чем можно объяснить это весьма странное молчание?

Не отозвалась на статью и «Учительская газета», и об этом так пишет преподаватель химии средней школы № 40 в г. Иванове товарищ Ильин: «Для «Учительской газеты» характерно замалчивание недостатков в школе и описывание однообразных чудес по одному и тому же плану: ученик Х. хулиганил, срывал уроки, бил учеников, разрушал имущество, оскорблял учителей. Учительница познакомила его с лейтенантом, когда узнала, что он любит военное дело. Мгновенно ученик превратился в отличника и по успеваемости, и по поведению. Бедная редакция. Она и не замечает, что такие сообщения с удовольствием и с раскрытыми ртами могут слушать только незадачливые газетные работники и работники Наркомпроса...»

Нужно порадоваться тому, что люди, для которых дороги судьбы нашей школы и наших детей, откликнулись на статью «Проблемы воспитания в советской школе». В этих откликах нужно прежде всего отметить глубокое понимание воспитательных вопросов, знание нашей школьной действительности и умение в ней разобраться. В тех замечаниях, которые высказывают авторы многочисленных писем, больше здравого смысла и мудрости, чем во многих литературных упражнениях педагогических журналов.

Судя по этим письмам, можно прямо утверждать: в нашем обществе нет двух мнений по вопросам школьного воспитания. Все единодушно признают, что нашей школе предоставлены все возможности для отличной работы, что наши дети представляют благодарный материал для педагогов, но что, несмотря на эти счастливые условия, **в нашей школе воспитательная работа часто поставлена очень плохо**.

Будучи столь единодушны в оценке положения, все авторы согласны с теми требованиями, которые они предъявляют к школьному воспитанию: единый школьный коллектив преподавателей и учеников, разукрупнение школ-гигантов, усиление воспитательного центра,

бескомпромиссное требование к ученику, воспитание воли и ответственности, твёрдый режим и дисциплина, система наказаний, активизирование общественного мнения в школе, большая связь школы с общественной жизнью страны.

В письмах находится очень много ценнейших мыслей по отдельным деталям школьной работы, привести которые полностью в настоящей статье мы не имеем возможности. В частности, некоторые авторы указывают на явные перегибы в деле борьбы за успеваемость. Перегибы эти заключаются в бюрократическом омертвлении идеи соревнования, в **увлечении цифровыми результатами и сводками, создающими почву для развития очковтирательства, для глубокого развращения ученика и целых классных групп.**

Другие обращают внимание на то, что боязнь педологии иногда принимает нелепую форму: отрицают возможность лени у ребёнка, боятся говорить об изучении ребёнка, игнорируют действительно средние или небольшие способности у того или у другого ученика, не допуская даже мысли о том, что в некоторых случаях полезно и необходимо оставить ребёнка на второй год.

Эти замечания совершенно справедливы. Никакое дело не требует от работника такой оперативной гибкости, как работа учителя. Какие бы то ни было шаблоны по отношению к отдельному ученику совершенно недопустимы. Это, конечно, вовсе не обозначает, что **школа должна обратиться в распылённое собрание «индивидуальных подходов», ничем не объединённых**, как это часто наблюдается в настоящее время.

В воспитательной работе не хватает серьёзности, солидарности, основательности, прямой, энергичной целеустремлённости, логики в деталях. Именно поэтому в своё время в порядке «фантастического сочинительства» была придумана пустая и вредная формула: «Наказание воспитывает раба». И никто не потрудился проверить её на деле. Рабов воспитывает как раз не наказание, а самодурство, не ограниченная ничем беспардонность, позволяющая у нас некоторым педагогам воспитывать хулиганов. Вопрос о наказании — самый трудный вопрос в представлении многих педагогов. Трудным он кажется потому, что вспоминается старая школа, а нового опыта в области педагогической репрессии мы не знаем.

Надо решительно отбросить, с одной стороны, всякую трусость в вопросе о наказаниях, с другой стороны, всякую попытку в той или иной форме протащить старый стиль царской школы. Стоит заговорить о наказании, как у слушателей дыбом встают волосы, холодеет кровь. В лучшем случае соглашаются с тем, что наказание уместно в школе, но тут же наговорят столько примечаний, что в сущности всё остаётся по-прежнему: наказывать нужно в исключительных случаях, 99% учеников нельзя наказывать, настолько они хороши, и, наконец, у нас и сейчас есть наказания — например, замечание, выговор, вызов родителей... Последнее утверждение правильно, но иногда в неожиданном смысле. Вот несколько отрывков из писем читателей.

«Вызываются в срочном порядке родители и начинается:

— Ваш сын хулиган, играет в пёрышки, дёргает девочек за косы, придётся исключить.

Несчастный родитель уходит домой со зловещим видом.

Через несколько дней:

— Ну, как мой сын?

— Ничего, знаете, притих.

Родитель наклоняется к уху учителя и сообщает о «внушении». Педагог виновато улыбается. Всё в порядке» (Л. Блащик, г. Омск).

«Откровенно говоря, система безнаказанности существует только для нарушителей порядка из среды учеников. Лучшую часть учеников руками отсталых мы без стеснения наказываем слишком грубо (плевок, толчки, оскорбления, создание невозможных условий для нормальных занятий, шум, крики, ругань за уроками) и притом без всякого повода, без всякой вины. Этого не хотят видеть педагогические Маниловы» (В. Ильин, г. Иваново).

«Моя дочь четвёртый год из четверти в четверть идёт отлично. А в текущем году её изводят ученики и периодами проявляют «дружеские рукоприкладства», чем я и заинтересовался. Разговаривал с педагогом и зав. учебной частью, которые заявили мне, что напрасно я

беспокоюсь, раз дочь у меня отличница» (Тимохин, станция Янаул Казанской железной дороги).

Другими словами, безнаказанность в школе обязательно обращается в беззащитность части учеников. Неужели это положение составляет такую непосильную мудрость?

А между тем можно составить ряд мер воздействия, которые, впрочем, и представляют наказание: замечание наедине, замечание перед классом, замечание перед общим собранием школы, выговор в приказе по школе, лишение школьного билета.

Наказание — настолько тонкое дело, что оно не может быть поручено каждому педагогу. Поэтому право наказания должно принадлежать только директору. Разумеется, это очень большая нагрузка, но самая авторитетность такого правила, несомненно, чрезвычайно полезна. Вообще наказанию должно предшествовать нерепрессивное воздействие — беседа наедине, беседа в присутствии товарищей, требование объяснений на общем собрании, причём общее собрание может ограничиться постановлением — виноват или не виноват товарищ.

Основной принцип, который должен определять всю систему наказаний: как можно больше уважения к человеку, как можно больше требования к нему. Не приходится, конечно, доказывать, что никакая система наказаний не принесёт пользы, если не обеспечена правильная организация коллектива — точное взаимоотношение частей, воля директора, общественное мнение, активная работа органов самоуправления, внешкольная работа, — если ученики не гордятся своей школой и не дорожат её добрым именем. Не в наказании, а именно в этом заключается секрет успеха, но в наказании проявляется стиль самого требования.

Соблюдение всех этих условий только и может дать простор тому содержанию нашей работы, которое называется: деятельное, целеустремлённое воспитание характера.

Из доклада в педагогическом училище

У вас будут дети из семьи, к вам они придут в восьмилетнем возрасте. Вы будете вести работу рядом с семьёй, а я получал мальчиков и девочек обычно в возрасте старше тринадцати лет, побывавших на улице, в тюрьме, в суде, часто неграмотных, запущенных, и, конечно, этот контингент, по сравнению с тем, который вы будете иметь, был совершенно иным.

В своей практике я различал и различаю теперь политическое образование и политическое воспитание и думаю, что большую ошибку делают педагоги, которые ставят перед собой только вопрос политического образования.

К сожалению, мне приходилось и в своей, и в чужой практике наблюдать, что эти знания сами по себе не делают человека политически воспитанным. Бывали случаи, когда мальчик прекрасно знает, что полагается ему знать по школьной программе, читает газеты, может делать доклады и выражаться в своих речах весьма приятно, а по своему поведению, по своему отношению к коллективу, коллективу колонии или коммуны, коллективу всего государства проявляет лицо несоветское. Мне приходилось это наблюдать.

Конечно, приходилось наблюдать и противоположные случаи, когда юноши или девушки, казалось бы, отстали в деле политического образования, путают даты съездов, не разбираются часто в вопросах политической истории, а по своему характеру, по своей душе, по своей личности они явно для меня были «нашими». Вот такие случаи первого и второго рода мне приходилось наблюдать, и, естественно, я задумался над этим: в чём дело, почему мальчик не только знает всё, что ему нужно знать, но и других учит, а по своему характеру и поведению меня не удовлетворяет.

Я помню, как однажды одно событие остановило моё внимание. Событие было пустяковое, может быть, вам не стоит о нём рассказывать, но, чтобы вы поверили, как иногда маленькое событие может много показать, я вам расскажу.

Событие заключалось в том, что у нас, в коммуне имени Дзержинского, вечером был киносеанс (у нас было своё кино). Сидело коммунаров 500 человек и педагоги. И вот на картине трудно было разобрать (картина изображала военное событие), что за войска приближаются с горизонта, и тут все в зале начали спорить (музыки у нас не было). Спорили не так —

белые или красные, а спорили — белые или наши. И вот эта терминология «наши», а не «красные» для меня много показала. Когда люди в горячем споре, где они не выбирают слов, не беспокоятся о точности выражения, а говорят, как душа подсказывает, когда говорят «наши», значит, действительно видна родственная связь с людьми, которые приближаются с горизонта, и людьми, которые сидят в зале.

С этого случая я поставил целью — проводить такое политическое воспитание, чтобы в душе моего воспитанника, в его личности и разуме это слово «наши» возникало без борьбы, без напряжения, без дипломатии, без хитрости, чтобы оно шло от самой души.

...Надо сказать, что и в нашей среде, в среде нашего юношества и детства, приходится наблюдать такие инстинкты — силой пробить дорогу себе. Если воспитать такую энергию — это значит воспитать пренебрежение к интересам другого человека, полное презрение к интересам коллектива, это значит воспитать хитрого, сильно вооружённого эгоиста. Такого эгоиста, который мог бы всех побеждать, такого сверхчеловека, жадного, сильного животного, мы воспитать не можем. Это не значит, что мы должны воспитать слюнтяев, мягоньких, добреньких ангелочков, которые всем уступают и кланяются. Мы должны воспитать борцов, а не слюнтяев...

...Но хуже дело обстоит, когда от человека требуется не героическая вспышка, не героический неожиданный подвиг, а длительная, мучительная нажимная работа, часто даже очень тяжёлая, неинтересная, грязная и даже причиняющая неприятные ощущения в организме. Для такой работы наш характер не очень воспитан, а между тем если бы в тех же Папанине, Кренкеле увидели не только людей, живущих на льдине, а обратили внимание на всю их биографию, то увидели бы, что раньше, чем совершать подвиг, они прошли дополнительный путь неизвестных, терпеливых, молчаливых и тем не менее героических усилий. Они не могли бы взойти на высший гребень героизма, если бы вся их биография, весь их труд не был тоже, по существу, героичным.

Такой героичности, мало заметной, терпеливой, настойчивой, протекающей медленно, незаметно для всех, которая потом увенчается всемирной известностью, в Советском Союзе много, и мы должны воспитывать её в наших детях. Это воспитание заключается в правильной организации коллектива, дисциплине, порядке, в организации ежедневного быта и т.д. На эту сторону я обращал главнейшее внимание в своей работе. Вы об этом читали в «Педагогической поэме».

Окончательно мой детский коллектив был организован в коммуне имени Дзержинского, где я работал восемь лет, но эта коммуна не явилась новым учреждением.

Из-за несогласия с украинским Наркомпросом мне пришлось уйти из колонии имени Горького.

Дальнейшие события заключались в том, что, когда я перешёл в коммуну имени Дзержинского, туда в течение месяца перебежали все воспитанники колонии имени Горького.

Делали они это незаметно, приходили утром 10 – 15 человек и даже не говорили, что они перебежали. Вечером, когда все ложились спать, они меня спрашивали: «Можно у вас переночевать?» — «А почему вы не в колонии?» — «Видите ли, мы из колонии ушли совсем». — «Куда же вы ушли?» — «Не знаем. Конечно, если бы вы нас приняли, мы бы остались». После этого я говорю: «Довольно болтать, идите спать». На другой день прибежали опять и т.д. Кончилось тем, что прокурор Харьковского округа привлёк меня к ответственности за развал колонии имени Горького. И только письмо А.М. Горького защитило меня от уголовной ответственности. Я, собственно, колонию совсем не развалил, там осталось всё — помещение, комнаты... только перешли живые люди ко мне. Вот эти люди и составили коммуну имени Дзержинского.

Первые годы они с трудом называли себя дзержинцами, никак не могли привыкнуть.

Вот этот коллектив в коммуне имени Дзержинского — продолжение коллектива, описанного в «Педагогической поэме», — составил основную цель моего организационного внимания.

Желаю вам, когда вы поработаете пять-шесть лет в школе, чтобы вы добились таких

успехов и чтобы у вас был такой коллектив. Стоит только захотеть. Хитрости никакой нет, только большая работа, любовь к этому делу принесут успех.

Вы идёте в начальную школу, это ваше счастье. Начальная школа тем хороша, что там маленький коллектив, можно всех знать в лицо. Каждый виден не только насквозь, но даже глубже, как говорят коммунары. Легче, чем в большой школе, где не знаешь, где Петя, а где Ваня. Вам можно позавидовать, настолько у вас счастливые условия работы.

Я не буду утомлять разными советами, а расскажу, как был организован коллектив коммуны имени Дзержинского, причём чести моей не так уж много. Большое значение имела комсомольская организация. На третьем году существования коммуны комсомольская организация имела такое значение, что я снял всех воспитателей и оставил только педагогов-учителей, а раньше были воспитатели, которые ничему не учили, а только воспитывали.

Внешний каркас моего коллектива — это дисциплина. Я очень недоволен дисциплиной в школе. Это дисциплина — «не кричи, не кури, не пей водки, не оскорбляй педагога», вообще «не, не, не». Это мораль, утверждающая, чего не нужно делать. Я называю такую дисциплину — дисциплиной воздержания, или торможения.

...Я не знаю, может быть, вы обвините меня в некоторой жестокости по отношению к детям. Я никогда себя в этом не обвинял, но, например, я поднимал своих ребят в 6 часов утра, я не позволял задерживаться в постели ни на одну минуту, я не позволял опаздывать на завтрак, на завод или в школу. Я предъявлял к своим ребятам самые строгие требования. Я мог так делать потому, что эти требования предъявлял весь коллектив, потому, что все дети были убеждены, что так нужно. Этого не могло быть, если бы у детей не было коллектива, если бы они не считали, что интересы коллектива выше их личных интересов или интересы коллектива есть их личные интересы. Конечно, такой дисциплины, такой преданности нельзя добиться в течение нескольких месяцев. Это нужно делать постепенно, и вы сами не заметите, как будет рождаться успех за успехом.

Я заметил это только тогда, когда общее собрание однажды постановило: «Антон Семёнович, вы имеете право наказывать, но мы отрицаем ваше право прощать, потому что вы накажете, а через час прощаете». И последние пять лет, если мне приходилось наказывать на пять часов ареста, то я только через пять часов мог прощать. Никакая сила не могла уменьшить эти пять часов.

Когда я увидел, что общее собрание потребовало законности, я понял, что комсомольское собрание уважает наказание не меньше, чем удовольствие.

А потом увидел, что каждый новенький, как только он вошёл в коллектив, ходит и мечтает, когда его наконец так накажут. Он считает, что с этой минуты, как я наказал его в первый раз, он свой: я не смотрю на него как на чужеродного. Раз я его наказал и он ответил («есть!»), то мы с ним друзья на всю жизнь. Я в их глазах был представителем интересов их коллектива — и в этом наказании они видели признание, что коллектив считает его настоящим членом коммуны.

Был у нас один случай. У нас был плохой литейный цех, и заведующий производством не хотел ставить вентиляцию, а в цехе был медный дым. Мой доктор Вершневец прочитал в словаре Брокгауза и Эфрона, что литейный дым очень вреден и может возбудить литейную лихорадку. Он прибежал ко мне с книгой и говорит: «Что это такое! Не позволю отравлять пацанов». Раз доктор не позволяет, я обратился в совет бригадиров. И совет бригадиров постановил — снять с работы всех шишельников. Прибежал зав. производством: «Что вы делаете, не будет литья, станут сборочный и никелировочный цехи».

Зав. производством Соломон Борисович Блюм вечером поймал пацанов и говорит: «Что вы обращаете внимание на приказ, пойдём, сделаем шишки, ведь сейчас нет дыма, никто не узнает, закроем двери и ставни». Они согласились и пошли. Но через полчаса в литейной открылись двери и мой связист (который всё знал и слышал), лейтенант 12 лет, сказал: «Заведующий требует вас немедленно». Пришлось пацанам идти под арест. Сняли с них пояса и посадили на диван на общем собрании. Они очень испугались, потому что не я их арестую, а общее собрание, а оно строже меня. Среди этих пацанов было четыре старых колониста со

значками, а один был новенький, Ваня. Когда на общем собрании их вывели на середину, кто-то сказал: «Зачем Ваня стоит, ведь он новенький». Тогда он возмутился: «Как это я не отвечаю?» Пришёл случай наказать, а тут отвод. Он в слёзы: «Как вы меня оскорбляете, почему хотите отпустить?» И собрание решило, так как он хлопец хороший и ничем плохим себя не проявил, — прощать нельзя, нужно наказать.

...Когда собрание постановило, прошли у Вани слёзы, и он виноватым голосом оправдывался, что у него нет никакой литейной лихорадки, что он беспокоился об общих интересах. А против них выступали, что их нужно взгреть, и даже предложили снять звание коммунаров и значки. Ограничились тем, что постановили 1 Мая, когда построятся идти на парад, перед строем, при знамени прочитать им выговор. Для них это было большое преступление — неподчинение приказу, и потом ходили разговоры по колонии, что их слишком строго наказали, но оскорбиться из-за наказания считалось большим позором.

Вот такая ответственность перед коллективом, когда она приобретает такой характер спаянности, что освобождение от ответственности кажется освобождением от коллектива, вот такого рода дисциплина показывает сбитость коллектива.

Конечно, бывали случаи очень жестоких наказаний, которые я никак не мог одобрить, но не отрицаю того, что эта жестокость говорит о том, что здесь есть коллективный интерес, коллективный характер. Ведь эти 500 человек так наладили каждый свой характер, что получился общий характер. Разумеется, есть разница: пока он в коллективе — у него один характер, наедине у него другой характер, но по мере развития колонии личный характер делается всё ближе к общекоммунарскому идеалу. Этот характер проявляется в некоторых коммунарских законах. Я перечислю некоторые законы.

Никогда коммунары не просят прощения. Пока ты не наказан, — ты можешь доказывать, что ты прав, но как только тебя наказали, считается неприличным доказывать, что ты прав. Считалось, например, что коммунару обязаны верить на слово. Коммунаром назывался каждый воспитанник через 4 месяца после его поступления в коммуну, носящий значок, и у такого коммунара были привилегии, ему обязаны были верить на слово. Также неприлично было проверять рапорт. Дело доходило до чёртиков в области чистоты. Проверка чистоты происходила каждое утро, и постепенно чистота улучшалась, и, наконец, дошло до того, что дежурному члену санкома выдавался платок — смотреть, нет ли пыли. Он вытирал портреты, стулья, и если на спинке стула оказывался волосок, то отмечалось, что в такой-то спальне грязь. Сказать «не верим» нельзя было, за это полагалось три часа ареста за возражение рапорту, и если бы я не налагал ареста, то мне сказали бы, что я распускаю коммуну. Считалось, что в этот момент человек соврать не может, и пускай десять свидетелей говорят, что дежурный неправ, но раз он сказал во время дежурства, значит, он соврать не мог. **Вот эта убеждённость, что человек соврать не может, уже называется этикой.**

Вообще в коммуне также бывали Хлестаковы, но когда он делает то, что фактически делает не он, а уполномоченный коллектива, — он соврать не может, и это действительно было так. Вот так надо поднять значение уполномоченных коллектива и у вас. Если вы добьётесь такого положения, что ваш староста или уполномоченный в глазах коллектива не может врать, значит, вы добились **коллективного рефлекса**, уважения к своим собственным магистратам. Это возникает после длительного коллективного воспитания — это дружба и даже не просто дружба, а обычай дружбы...

Для того чтобы это было, необходимо воспитать особое чувство, без которого не может жить настоящий большевик, и это чувство называется ориентировкой. В нашей теоретической педагогике не пояснено, что такое способность ориентировки. Вы должны чувствовать, кто стоит позади вас — друг или враг. У нас это в школе не воспитывается, и учащиеся не чувствуют того, что их окружает. Нет умения знать, где ты находишься, как нужно вести себя в данный момент. Я придавал этому огромное значение и потом об этом не жалел. Мы совершили восемь походов по всему Советскому Союзу — Кавказу, Волге, Крыму и т.д., и там эта способность ориентировки очень пригодилась. Умение ориентировки — умение найтись и знать, что делать в любой обстановке.

Это важно воспитать в наших юношах. Ориентировка может быть воспитана только тогда, когда человек знает, что он член коллектива, что каждое движение в коллективе для него дорого, дороже своего личного интереса. Вот это я называю настоящим большевистским воспитанием характера.

Это та трудность, которую меньше всего умеют воспитывать и никогда нельзя было бы воспитать, если бы не создали коммунистического коллектива, а в коммунистической этике на этом всё построено. У нас полное равенство, и поэтому у нас начальство — товарищ и подчинённый — товарищ. Воспитать умение приказать и подчиниться товарищу — большое достижение в области политического воспитания.

Я для этого дела не жалел никаких трудов и опытов, и помогали мне в этом комсомольцы и старшие коммунары. Мы иногда выбирали командиром двенадцатилетнего мальчишку. Мы понимали, что он командир слабый, но он изо всех сил старался быть командиром хорошим. Дежурный по коммуне имел большую власть. Утром он обходил все спальни, и когда подавалась команда отряду: «Смирно!» — он говорил: «Здравствуйте, товарищи!» Он являлся начальником на сегодняшний день. Представьте себе, что этот пацан имел право встретить члена бюро комсомольской ячейки и сказать: «Видишь, тряпка лежит, надо её убрать», и ему отвечали: «Есть, товарищ командир!» И если ему не отвечали, как следует, он писал рапорт. Конечно, этот командир принимал всё это всерьёз. И в дальнейшем **мы этому придавали огромное значение — уметь подчиниться товарищу не потому, что он сильнее физически, не потому, что он умнее, а потому, что его уполномочил коллектив, и потому, что он за коллектив отвечает.**

Точно так же очень многое можно воспитать в характере по отношению к труду. У очень многих среди молодёжи есть такое представление: это труд плохой, это чистый труд, это грязный труд...

Последние годы в коммуне было правило (уборщиц там не было): убирали коммуны авральной работой. Кто натирал паркет, кто мыл стёкла, кто мыл пол, убирал уборную и т.д. На всю уборку выкраивалось 15 минут. Сначала за месяц спорили, кому какая уборка: кто будет убирать театр, кто клуб, кто мой кабинет, а кто будет уборную мыть. Конечно, самой противной уборкой была уборная и давалась эта уборка самому худшему отряду. Потом решили, что это большая морока каждый раз вытягивать номерки, и решили тянуть жребий, потом тянули жребий на полгода. Потом как-то случилось так, что такой-то отряд выделился в июне месяце. Говорят: «Это героический отряд, давайте им дадим мыть уборную». — «А что же вы думаете, не возьмём?» И стал, как правило, лучший отряд мыть уборную, и это считалось его привилегией, и он этим гордился: «Вы пол натираете, а вот попробуйте заработать уборную убирать». Вот такое отношение к труду должно быть воспитано...